

Также оказались неудачными проекты Съездов горнопромышленников юга России по *организации найма рабочих*. Впервые этот вопрос возник в начале девяностых годов, в начале периода экономического подъема в Донецком Бассейне, на XIX Съезде горнопромышленников юга России (1894 г.). Этот Съезд одобрил основные положения «проекта правил найма рабочих на горные промыслы юга России», составленного инж. Баталиным и разработанного Советом Съезда.

Согласно проекту в Харькове, при Совете Съезда учреждается центральное Бюро по найму рабочих, куда стекаются: а) сведения о свободных рабочих руках от начальников железнодорожных станций, земских начальников, земских управ и т. п.; б) заявления от шахтовладельцев и заводчиков о необходимых им в данное время рабочих. На основании таких двусторонних сведений Бюро уведомляет нанимателей об имеющихся в известных районах свободных рабочих.

Конечно, такое информационно-статистическое Бюро не могло никого удовлетворить: сведения о рабочих должны были бы собираться на огромной территории, по необходимости должны были запаздывать и все это не создавало никакой уверенности в том, что эти сведения могут иметь какое-либо практическое значение в деле урегулирования найма рабочих. Теми же чертами отличался другой проект, выработанный в 1900 году экстренным Съездом горнопромышленников юга России—проект Харьковского Комитета по урегулированию найма рабочих для горнопромышленных предприятий юга России. Проект ограничивается посредничеством между промышленниками и рабочими, не входя «в непосредственные действия по найму рабочих».

При взаимных жалобах рабочих и работодателей на невыполнение обязательств, принятых на себя сторонами при участии Комитета, последний принимает меры к приведению их к миролюбивому соглашению, при посредстве местной горной или фабричной инспекции. Таким образом, этот проект попрежнему ограничивался созданием посреднической организации, также не представляющей никаких деловых гарантий для сторон, если не считать совершенно ни для кого неприемлемой административной санкции в лице органов местной горной или фабричной инспекции.^{*)}

Несколько иная судьба характеризует вопрос об *обеспечении индустриального труда*. После предварительного обсуждения этого вопроса на Съездах горнопромышленников юга России, 15 июля 1884 года был утвержден устав *Общества пособий горнорабочим юга России*.

Это общество управлялось особым Советом, члены которого избирались на Съездах горнопромышленников юга России и который отчетывался перед Съездом в тех суммах, которые ассигновывались ему также Съездами (первый сбор был установлен в размере 3 коп. с вагона минерального топлива).

*) Этот проект был выдвинут из канцелярии Харьковского губернатора и в одном из своих вариантов содержал ссылку на стационарных жандармов, как одну из инстанций в деле привлечения рабочих.

Общество пособия горнорабочим юга России представляет любопытное по замыслу учреждение, имеющее целью оказывать пособие инвалидам труда (а не только пострадавшим при травматических повреждениях), но построенное на основаниях филантропического характера и не оставившее сколько нибудь заметного следа в социальной истории Донецкого Бассейна.)

Поэтому, когда в 1899 году на XXIV Съезде горнопромышленников юга России был поднят Л. Т. Рабиновичем вопрос об организации «Общества взаимного страхования горнозаводских предприятий юга России от несчастных случаев с их рабочими и служащими», этот новый по существу вопрос лишь по тактическим мотивам можно было представить в виде вопроса о реорганизации Общества пособия горнорабочим, как это сделал Л. Т. Рабинович в своем докладе XXIV Съезду.

Проектированное XXIV Съездом общество принимает на себя полную гражданскую ответственность своих членов за смерть и увечья, причиненные рабочему или служащему несчастным случаем, происшедшим при исполнении им работ или вследствие работ.

В этой формулировке мы уж слышим определенные мотивы, юридически точно намечающие характер и пределы ответственности проектируемого Общества.

Большой спор вызвал вопрос о системе образования денежных средств Общества. Часть членов XXIV Съезда выдвигала идею образования страхового капитала, равного сумме капитализированных пенсий, другая часть членов Съезда стояла за систему взносов на удовлетворение лишь текущих ежегодных выдач из кассы Общества.

Решение Съезда по этому вопросу гласит следующее:

для собирания денежных средств общества устанавливаются взносы в размере восьмикратных пенсий на первый год действий Общества, при чем взносы за каждый последующий год должны быть устанавливаемы в большем размере, с тенденцией к полной капитализации пенсий.

Несколько последующих Съездов высказываются за скорейшее утверждение проекта *кассы страхования горнопромышленных предприятий* на принципе обязательного участия в этой кассе промышленников. Однако, при этом необходимо отметить, что на XXVI Съезде горнопромышленников юга России (1901 г.) и на экстренном Съезде 1902 года обнаружилось с полной очевидностью, что некоторые крупные горнопромышленники были против обязательного участия в проектируемой организации взаимного страхования. Здесь, повидимому, сказывается большее обеспечение крупной промышленности оборотными средствами, что делает их финансово более сильными в вопросах обеспечения пострадавших при несчастных случаях, чем это можно сказать относительно средних и мелких промышленников. Кроме того, в этом вопросе, несомненно, сказалась боязнь крупных промышленников, что организация страховой кассы будет сопровождаться более льгот-

*) См. настоящую работу, характеристику на стр. 99.

ным (по уставу) положением мелких и средних промышленников, сравнительно с промышленниками крупными—настроения, навеянные борьбой крупных и мелких горнопромышленников на Съездах горнопромышленников юга России.*)

Несмотря на принципиально-декларативное заявление сочувствия идее обязательного страхования на целом ряде Съездов горнопромышленников Юга России, вопрос этот без всяких практических результатов дожид до издания закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности.

Этот закон внес нечто существенное в дело постановки вопроса о вознаграждении увечных рабочих, и первой реакцией на этот факт было постановление XXVIII Съезда горнопромышленников юга России (1903 г.) о том, чтобы взять обратно „представленный в Министерство Земледелия и Государственных имуществ проект кассы страхования“.

Затем на Съезде повторяется та же картина, которая характеризует также и предыдущую историю этого вопроса. Докладчик комиссии XXVIII Съезда, Н. Ф. фон-Дитмар приходит к заключению, что „только система обязательного страхования, с подразделением предприятий на различные классы опасностей, есть единственно рациональный путь для решения вопроса о вознаграждении последствий несчастных случаев в интересах предпринимателей, рабочих и государства“ **). Съезд на это предложение реагирует совершенно иным постановлением, а именно:

1) прекратить с 1-го января 1904 года прием в Общество пособия горнорабочим заявлений об оказании помощи рабочим и их семьям, пострадавшим после 31 декабря 1903 года.

2) ходатайствовать об отсрочке на 1 год закона 2 июня 1903 года, для того, чтобы подготовить предприятия и всех причастных лиц для точного уразумения и истолкования его.

*) Что эта боязнь крупных промышленников за то, что мелкая и средняя промышленность получат уставные льготы при создании страховых организаций, была небезосновательна, показывает также устав Харьковского Окружного Страхового Товарищества, утвержденный 14 апреля 1914 г. Согласно § 34 этого устава, в первом по утверждению устава избирательном собрании для выбора уполномоченных избирательный ценз строится по такой системе: предприятия, уплачивавшие заработную плату до 40 т. руб. имеют 1 голос, свыше 40 т. руб. до 70 т. руб.—2 голоса, от 70 до 100 тыс. руб.—3 голоса, от 100 тыс. до 300 тыс. руб.—4 голоса, от 300 до 500 тыс. руб.—5 голос., от 500 до 1000 тыс. руб.—6 голос., от 100 до 500 тыс. руб.—7 голос., от 500 до 1000 тыс. руб.—8 голос. и т. д. Норма ценза увеличивается при переходе к вышесказанным группам.

**) В брошюре Н. Ф. фон-Дитмара „Во что обойдется наименееугодной промышленности осуществление нового закона о вознаграждении за увечья“ мы находим следующие интересные расчеты: 1) при расчете на всех рабочих предприятий при годовом заработке в 300 руб.—0,167 коп. на руб. при годовом заработке 300 рублей—0,189 коп. на руб.; 2) при расчетах на рабочих, занятых при работах и добавочных предприятиях (без ремонтных, на постройках и подвозах) при годовом заработке 343 руб.—0,185 коп. на руб. при годовом заработке 413 руб.—0,210 коп. на руб. Все эти расходы нечислены при условии капитализации пенсий.

3) ходатайствовать об учреждении больничных и вспомогательных касс на основании нормального устава, при участии во взносах всех заинтересованных сторон.

Другими словами, реальный результат этого дела—прекращение работы Общества Пособия горнорабочим, построение больничных касс на таких условиях их финансирования, которые ухудшали положение рабочих сравнительно с существовавшим в то время положением и, наконец, ходатайство об отсрочке закона 2 июня 1903 года.

Необходимо отметить, что эта политика принципиальных признаний, декларативных ходатайств, с одной стороны, и фактических попыток добиться разных отсрочек—с другой стороны, не покидала организации промышленников и в дальнейшем течении данного вопроса. Так в докладе Правления Харьковского Окружного Страхового Товарищества II-му общему собранию уполномоченных Товарищества (1915 г.) мы читаем (на стр. 9 ой), что наблюдательный комитет уже организовавшегося Харьковского Окружного Страхового Товарищества „признал необходимым, в связи с тяжелым положением, переживаемым промышленностью, отсрочить открытие действий товарищества на 6 месяцев, т. е. до 1 июля 1915 г.“, при чем ходатайство по этому вопросу, пройдя все инстанции, получило утверждение министра торговли и промышленности 28 января 1915 года.

Таким образом, на протяжении того исторического периода, которому посвящена настоящая работа, обеспечение пострадавших при несчастных случаях не вышло из рамок той индивидуальной ответственности, которая была установлена законом 2 июня 1903 года.

Издание этого закона, помимо своего непосредственного результата—вознаграждения увечных—имеет значение для исследователя Донецкого Бассейна также и в том отношении, что некоторые вопросы, касающиеся рабочих Донецкого Бассейна, могли получить свое более или менее точное цифровое освещение лишь в форме регистрации предприятиями основных моментов, связанных с финансовыми интересами предприятий, непосредственно вытекающими из применения закона 2 июня 1903 года *), хотя и здесь точность этих сведений оставляет желать лучшего.

Для того, чтобы подойти к освещению основного статистического материала, относящегося к этому закону, можно воспользоваться небольшой, но богатой цифрами брошюрой Н. Ф. фон Дитмара „Несчастные случаи в южной горной и горнозаводской промышленности“. Сводные итоговые данные, помещенные на стр. 20—21 этой брошюры, представлены в нижеследующей таблице (см. след. стр.).

Эти цифры, отмечающиеся некоторой (но лишь приближенной) точностью, свидетельствуют о том, что для всей горной и горнозаводской

*) Например, заработок рабочего. „Средний заработок горного рабочего можно с достоверною точностью определить из данных, зарегистрированных и ликвидированных по закону 2 июля 1903 г., несчастных случаев у значительного количества предприятий“ (Фертнер „Нужен ли Донецкой угольной промышленности синдикат“, стр. 16).

промышленности Донецкого Бассейна общие расходы, связанные с применением закона 2 июня 1903 г., составили 1.846.215 руб. 93 коп., причем к этой цифре надо прибавить некоторую (не поддающуюся точному определению, но все же более или менее значительную) долю расходов на медицинскую помощь, которая, конечно, оказывалась вообще больным рабочим, а не только травматикам, и которая в общем итоге за 1908 год (2.244.493 руб. 58 коп.), даже превышала сумму расходов горнопромышленников на увечных рабочих.

Такова финансовая сторона вопроса о несчастных случаях.

Для того, чтобы дополнить эту характеристику другими данными, относящимися к данному вопросу, приведем из той же брошюры Н. Ф. фон Дитмара нижеследующие сведения о несчастных случаях в южной горной промышленности, в горной промышленности других районов и в фабрично-заводской промышленности, а также сравнительные сведения о положении этого вопроса у нас и за границей (см. табл. на след. стр.).

Расходы на вознаграждение пострадавших по закону 2 июня 1903 года
(руб.)

ВИДЫ ПРОМЫШЛЕН- НОСТИ	Годы	Добыча млн. пудов	Число рабо- чих	Всего	В том числе			Расходы на меди- цинскую помощь (рублей)
					Пособия за время болезни и на по- хороны	Пенсия	Единовр. пособия	
а) Минеральное топливо	1906	908,68	91047	1083287,99	512550,86	228053,17	342783,96	939865,40
	1907	1060,50	116913	1133419,97	500064,89	335492,31	297862,77	1141390,90
	1908	1114,88	134325	1157691,40	472801,47	479284,24	205605,99	1295477,40
б) Железная руда	1906	220,73	9851	86915,92	11125,24	6753,37	69037,31	127103,75
	1907	243,90	11256	130210,80	23490,04	15377,91	91342,94	144243,47
	1908	234,58	10490	103168,86	23182,04	26937,39	53049,43	143803,55
в) Марганцевая руда	1906	9,58	1800	2275,90	2008,79	132,92	134,28	10271,09
	1907	16,44	2543	15862,25	4066,10	917,85	10898,31	14488,54
	1908	11,05	1475	11080,72	4368,02	2186,23	4526,47	19784,13
г) Каменная соль	1906	26,45	894	894,80	575,80	143,97	175,03	600,00*)
	1907	25,57	970	3477,55	923,87	43,68	2510,00	800,00*)
	1908	26,78	1111	1678,86	1440,80	38,66		600,00*)
д) Доменные за- воды	1906	—	43404	710335,23	245065,66	66771,51	398198,06	617781,09
	1907	—	42991	663290,53	241043,05	138693,93	283560,55	688470,10
	1908	—	42846	527688,29	199077,25	49124,71	178886,33	677378,50
е) Переделные заводы	1906	—	10963	218091,00	86560,32	4710,76	126819,92	118131,00
	1907	—	9103	70816,31	32695,89	7109,96	31010,46	97202,51*)
	1908	—	9056	14907,80	30469,95	9320,45	4917,40	107396,00
Всего по гор- ной и горноза- водской про- мышленности	1906	—	157959	2101900,93	857886,67	306566,70	937448,56	1813758,33
	1907	—	183776	2017076,51	802283,84	497637,64	717155,03	2089014,52
	1908	—	199803	1846215,93	728147,57	857437,49	460690,87	2244459,88

*) Сведения приблизительны.

Годы	Виды промышленности	Число занятых рабочих	Число увеч. случаев		Число смерт. случаев	
			Всего	На 1000 рабочих	Всего	На 1000 рабочих
1904 г.	Фабрично-заводская промышленность всей России	1651957	47205	28,6	382	0,23
	Горная и горнозаводская промышленность всей России	487119	66567	136,6	488	1,00
	Горная и горнозаводская промышленность юга России	160670	31340	195,1	271	1,69
1905 г.	Фабрично-заводская промышленность всей России	1644218	52655	32,0	332	0,20
	Горная и горнозаводская промышленность всей России	582408	61509	103,9	674	1,15
	Горная и горнозаводская промышленность юга России	159613	34990	219,2	379	2,37
1906 г.	Фабрично-заводская промышленность всей России	1658985	60142	36,1	371	0,22
	Горная и горнозаводская промышленность всей России	643441	72055	112,0	603	0,93
	Горная и горнозаводская промышленность юга России	180415	35940	199,2	285	1,58
1907 г.	Фабрично-заводская промышленность всей России	1118629	63551	35,0	463	0,25
	Горная и горнозаводская промышленность всей России	496947	63145	127,1	605	1,22
	Горная и горнозаводская промышленность юга России	206247	36554	177,2	383	1,86

На 1000 рабочих приходится смертных случаев *).

Годы	Россия	Дон. Бас.	Донб. Бас.	Франция	Пруссия	Бельгия	Англия	Соединен. Штаты	Австрия
1904 год	0,93	1,97	3,65	1,07	1,80	0,93	1,24	3,37	0,92
1905 -	1,16	3,33	3,49	1,04	1,86	0,91	1,35	3,34	1,45
1906 -	0,94	2,19	4,48	7,17	1,98	0,95	1,23	3,16	1,03
1907 -	1,22	2,31	2,74	1,10	2,38	1,03	1,32	4,17	—
1908 -	—	4,65	3,26	—	2,74	1,07	1,32	3,96	—

Несмотря на все методологические недостатки этих таблиц, из них совершенно явственно выступает несомненный факт повышенной „увечности“ горной и горнозаводской промышленности Донецкого Бассейна по сравнению

*) Эти сведения в некоторых случаях значительно расходятся с данными предыдущей таблицы. Методологическое объяснение этому см. в вышецитированной брошюре Н. Ф. фон Дитмара стр. 13.

нию не только с фабрично-заводской промышленностью России, но также по сравнению с горной промышленностью других районов и иностранных государств. — Этот вывод может быть углублен и подтвержден нижеследующими данными о „частоте“ несчастных случаев по главнейшим видам горной и горнозаводской промышленности.

Годы	Число рабочих		Число несчаст. случ.		На 1000 рабочих приходится постр.	
	Минер.	Дом.	Минер.	Дом.	Минер.	Дом.
	топл.	заводы	топл.	заводы	топл.	заводы
1904	77.767	43.924	26.213	20.333	308,80	463,18
1905	83.383	42.977	31.489	21.168	376,19	492,71
1906	91.047	43.104	34.935	21.137	365,70	491,51
1907	116.913	42.991	38.300	22.156	326,47	515,36
1908	134.325	42.846	35.207	20.068	272,47	446,37

Эти цифры чрезвычайно интересны: на каждые 10 рабочих в каменноугольных копях, в среднем, около 3 до 4 рабочих получают увечье; для доменных заводов эта цифра — значительно выше: около 5-ти человек, иногда даже выше пяти *). Притом же эти цифры, несомненно, преуменьшены.

Отсюда понятна та объективная причина, которая выдвигала значение вопроса о травматических повреждениях на горных и горнозаводских предприятиях Донецкого Бассейна. Конечно, отсутствие рабочих организаций не дало возможности воплотить эти тенденции в определенные организационные формы, откуда и вытекает бесплодность проектов создания кассы страхования.

В таком виде представляется история тех двух институтов, на которых сосредоточивается коллективная мысль южных горнопромышленников, в лице их Съездов: контора по найму рабочих и организация пострадавших при несчастных случаях. И в том, и в другом случае мы видим нулевые результаты коллективного творчества горнопромышленников, если не считать опыта с Обществом Пособия горнорабочим юга России, имевшего филантропическое значение.

Такой результат нельзя признать случайным: условия царистско-бюрократического режима исключали необходимость и возможность организованной классовой борьбы предпринимателей и рабочих. Соответствующие вопросы разрешались не в порядке организованной классовой борьбы, а в процессе разворачивания не-легализованного рабочего движения, часто — стихийными стачками и всегда под углом зрения элементарно-полицейского принципа „тишины и спокойствия“ при разрешении всех этих вопросов.

Наступают бурные годы первой революции — и мы видим закон о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев рабочих и целую кучу

*) Средний процент утраты трудоспособности для всех случаев с постоянной потерей трудоспособности во всей горной и горнозаводской промышленности юга России представлялся в таком виде: 1904 г. — 13,58%, 1905 г. — 12,41%, 1906 г. — 16,22%, 1907 г. — 14,41%, 1908 г. — 14,15%.

законопроектов, вплоть до введения у нас всех видов страхования рабочих, при чем эти законопроекты находили поддержку (конечно, декларативную) со стороны самих же горнопромышленников.

Пропадает острота резолюционной вспышки — и всяческие тормазы пытаются свести к минимуму значение сделанных когда-то деклараций.

Нормальная система отношений организованных предпринимателей и рабочих не могла возникнуть в обстановке полуфеодального, докапиталистического уклада наших государственно-политических отношений, и понадобилась жестокая и бурная встряска 1917 года, чтобы двинуть вперед дело профессиональной организации рабочих и заставить и промышленников Донецкого Бассейна сплотиться в организации типа *Arbeitergeberverbände*.

Но об этом будет сказано в следующем томе.

Теперь перейдем к характеристике основных моментов, касающихся рабочих в горной и горнозаводской промышленности Донецкого Бассейна. Необходимо прежде всего отметить, что эти данные отличаются гораздо меньшей точностью, гораздо большей приблизительностью, чем это можно было сказать относительно других сторон жизни горной и горнозаводской промышленности Донецкого Бассейна.

Методологическая трудность учета соответствующих явлений (о чем будет сказано в особом методологическом эскизе, приложенном к настоящей книге) осложняется еще тем, что такие вопросы, как заработная плата, продолжительность рабочего времени, борьба предпринимателей с рабочими и т. п. были „неудобны“ для полного и точного оглашения. Поэтому тот материал, которым мы будем пользоваться в последующем изложении, почти всегда будет носить характер иллюстрационного освещения, а не значение сплошных итоговых статистических величин.

Прежде всего осветим вопрос о том, *какое значение горная и горнозаводская промышленность Донецкого Бассейна имеет среди других районов России по числу занятых рабочих.*

Относительно каменноугольной промышленности мы имеем нижеследующие сведения, заимствованные из таблицы, помещенной на стр. 141 „Статистического Ежегодника на 1914 г.“ изд. Совета Съездов представителей промышленности и торговли.

Ч и с л о р а б о ч и х					
Всего в России	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Всего	120.214	145.392	164.819	174.061	170.079
В том числе					
В копи	82.474	99.393	110.168	120.884	116.745
На поверхности .	37.740	45.049	50.750	53.177	52.334
В т. ч. Донецкий Бассейн					
Всего	84.047	104.466	120.850	133.402	128.909
В том числе					
В копи	58.090	71.910	83.729	92.926	87.813
На поверхности .	25.927	32.556	37.121	40.476	41.096

Число рабочих в Донецком Бассейне составляет около $\frac{1}{10}$ общерусского числа рабочих в горной промышленности. При этом процент рабочих, работающих в копи, составляет, приблизительно, $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{10}$ общего числа рабочих, с некоторой тенденцией к более высоким величинам работающих в копи, именно для каменноугольной промышленности Донецкого Бассейна.

Соответствующие цифры для железных рудников и металлургических заводов представлены в нижеследующей таблице *).

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Железные рудники				
а) всего в России	34.195	32.452	34.935	28.703
б) в т. ч. на юге	9.206	9.577	11.437	11.153
Металлургические заводы				
а) всего в России	279.363	280.562	272.774	267.894
б) в т. ч. на юге	50.590	52.718	52.325	52.002

Здесь участие горнопромышленного юга в общерусских величинах гораздо менее значительно, чем это было отмечено по отношению к каменноугольной промышленности. Если сравнить отношение юга и прочих районов по числу рабочих в железорудной и металлургической промышленности с отношением добычи железной руды и производства металла на юге и в других районах **) мы должны сделать вывод о *большой производительности этих групп рабочих в южной промышленности, сравнительно с промышленностью других районов.*

Конечно, число рабочих в горной и горнозаводской промышленности юга России по годам колебалось, сообразно с колебанием экономической конъюнктуры.

Не останавливаясь на характеристике мелких и менее показательных моментов этих колебаний, приведем некоторые данные, касающиеся двух наиболее рельефных конъюнктурных моментов рассматриваемого нами периода: начало девяностых годов, как отправный пункт экономического подъема нашей промышленности, и конец 90-х годов и начало 900-х годов — эпоха кризиса и депрессии.

Для первого периода остановим внимание на нижеследующих данных, приводимых на стр. 263 книги М. И. Туган-Барановского „Русская фабрика“ (третье издание):

	Число рабочих		Возрастание
	1887 г.	1897 г.	в 1897 г. против 1887 г.
Всего в промышленности	1.318.048	2.098.262	59%
В т. числе горная и горнозав. промышл.	390.915	544.333	39%

В горной и горнозаводской промышленности России число рабочих за этот промежуток времени возрастает медленнее, чем во всей русской

*) См. Гливиц „Железная промышленность России“, стр. 29—31.

**) См. таблицу на стр. 31 настоящей работы.

промышленности. Это замедление роста числа рабочих сопровождается более интенсивным ростом ценности производства именно нашей горной и горнозаводской промышленности за этот промежуток времени, сравнительно с ценностью производства всей нашей промышленности, что явствует из сопоставления данных приведенной выше таблицы с теми относительными величинами, которые напечатаны во второй табл. на стр. 25 настоящей книги. Отсюда вывод о том, что производительность труда в горной и горнозаводской промышленности делает большие успехи, чем во всей русской промышленности.

М. И. Туган-Барановский по поводу этого делает следующее замечание:

Число горнозаводских рабочих возрастает гораздо слабее, чем можно было бы ожидать. Причина этого лежит в быстром росте производительности труда именно в этой отрасли промышленности. Новые южные металлургические заводы требуют несравненно меньшего числа рабочих для производства определенного количества металла, чем старинные заводы на Урале. (Цит. соч., стр. 264).

Этот вывод, сделанный в процессе динамического анализа, совпадает с приведенными выше данными о числе рабочих в нашей металлургии за 1905—1908 г.г., также приводит к заключению о большей производительности труда металлиста-рабочего на южных заводах, сравнительно с заводами других районов.

Если от этой характеристики динамики числа рабочих в период промышленного подъема мы перейдем к обрисовке этого явления в связи с кризисом конца девяностых годов, получим картину резкого сокращения числа рабочих и определенной безработицы.

По данным, приводимым Финном Енотаевским на стр. 105 его неоднократно цитированной выше книги, число рабочих на южных доменных заводах с 45.416 чел. в 1899 г. упало к 1902 г. до 35.710 чел. В каменно-угольной промышленности Донецкого Бассейна число рабочих с 67.526 чел. в 1900 году сократилось до 58.596 чел. в 1902 г.

„В то время, как в 1898 г. южные горнозаводчики назначали специальные комиссии в целях изыскания средств для обеспечения себя рабочими (см. доклад XXIII Съезда) и тогда советовался наем рабочих в центральной России и доставка их на юг*), теперь отыскивались средства, чтобы избавиться от „опасного“ избытка рабочих сил. В корреспонденции князя М. Шаховского („Новое Время“ от 5 мая 1907 г.) мы между прочим читаем: „Три года я не был в Донецком Бассейне и сколько здесь перемен! Какой печальный

*) Особливо интересен тот вариант этих проектов „привлечения и удержания рабочих рук, который ориентируется на привлечение арестантов к работе в шахтах. На VI Съезде горнопромышленников юга России (1881 год) этот проект был выдвинут (но не принят Съездом). Осенью 1899 года начальник главного тюремного управления Саломон предложил в распоряжение углепромышленников 10.000 арестантов, в целях „компенсировать проектируемую в будущем отмену ссылки в Сибирь распределением ссыльных в других районах государства“.

Можно также отметить попытки привлечения рабочих в Донецкий Бассейн из внутренних губерний: „часть голодающего населения, как недорогих рабочих“, по словам инициатора этого проекта, инж. Штейнфельда. Решительность этого послед-

вид имеет центр недавнего ажиотажа угольной и металлургической промышленности. Кризис затягивается и грозит стать хроническим... Все толки о том, что будто бы расчет рабочих прекращен, несправедливы. Не только рассчитывают тульских, смоленских и всяких иных весей работников, но даже сокращают штат в конторах и в администрации вообще... Но это видимое оскудение, этот промышленный застой не перестает наполнять рабочие поезда целыми массами крестьян, ежедневнодвигающихся и рассыпающихся по окрестным трактам и заводам в поисках за работой. „Летом 1901 года из одного только Екатеринослава были высланы на родину 10.000 человек“.

Одним словом, совершенно определенная картина: в период экономического подъема рабочий рынок не использует в полной мере промышленного оживления, благодаря техническим и организационным мерам, касающимся повышения производительности труда, наоборот, в моменты депрессии политика жесткого сокращения числа рабочих не встречает реакции со стороны рабочего класса, ввиду его неорганизованности.

Приведенную выше характеристику следовало бы дополнить данными о продолжительности рабочего времени, высоте заработной платы и движении забастовок. Ссылаясь на сделанное выше замечание о недостаточности наших сведений в этой области, постараемся использовать тот незначительный фактический материал по этому вопросу, который имеется в нашем распоряжении.

Как уже было отмечено выше, сведения о заработной плате мы имеем в сколько-нибудь приличном виде лишь со времени издания закона 1903 года о вознаграждении увечных рабочих. Для характеристики имеющих в этом вопросе цифр, сошлемся на нижеследующую таблицу, помещенную на стр. 16 брошюры инж. Фертнера („Нужен ли Донецкой угольной промышленности синдикат“).

Средний заработок пострадавших*)
(на каменноугольных копях Дон. Бас.).

Годы	Число всех рабочих	Число пострадад.	На 1000 раб.	Средний заработок (рубли)
1904	63.568	21.069	331,27	266,95
1905	60.214	23.658	392,90	272,19
1906	68.986	26.560	385,00	328,90
1907	114.414	38.300	326,00	342,00

Средний заработок за 4 года = 302,51 руб.

него проекта превосходит всякие границы. „Необходимо только, говорит г. Штейнфельд, чтобы меры эти были решительно проводимы в жизнь, а где нужно не останавливались бы даже перед принуждением, потому что этого одновременно требуют интересы промышленности, общества и самих принуждаемых“ (цит. по книге К. А. Пажинова „Положение рабочего класса в России“, стр. 119).

Итак, арестанты и голодающие крестьяне, как меры „привлечения и удержания рабочих“ в Донецком бассейне!

*) Сведения о среднем заработке в брошюре инж. Фертнера приведены: для 1904, 1905 и 1906 гг. — по „Статистике несчастных случаев с рабочими горной и горнозаводской промышленности юга России за 1906, 1905 и 1904 гг.“, для — 1907 г. по „Горнозаводскому Листку“ № 11 за 1909 г.

Эта таблица говорит о повышении цифр заработной платы на протяжении указанных четырех лет. Конечно, делать из этого какие-либо общие выводы было бы неправильно: период времени слишком краткий и материал все же не совсем доброкачественный и однородный в методологическом отношении. От этих данных итогово-статистического характера перейдем к иллюстрационным характеристикам, на основании пестрого материала, разбросанного по разным источникам.

Основной материал по этому вопросу—земские обследования по Бахмутскому и Славяносербскому уездам—был использован в первом томе настоящей работы и характеризует положение рабочих в начале периода, о котором идет речь в настоящей работе.

В дополнение к этому материалу можно привести некоторые более поздние сведения в работе Верещинского*). Забойщик получает от 2 руб. 50 коп. до 4 руб. 50 коп. за погонную сажень, при чем, в среднем, даже на хорошего рабочего приходится не более 5-6 четвертей в смену, обыкновенно же от 3½ до 4 четвертей. Саночники зарабатывают от 80 коп. до 1 руб., вагонщики от 1 руб. до 1 руб. 10 коп., ствольные и верховые от 90 коп. до 1 руб. 10 коп. Все это—за двенадцатичасовой рабочий день.

В среднем даже у наиболее исправных рабочих заработок не превышает 25 руб. в месяц, обыкновенно же колеблется от 18 до 20 руб.

Расчеты, приводимые в статье Либермана („Условия труда горнорабочих в Донецком Бассейне“. „Вестник фабричного законодательства“, 1905 г. № 1) и цитируемые у Пажитнова**) рисуют нижеследующую картину динамики заработной платы на протяжении со времени первого земского обследования восьмидесятых годов до середины девятисотых годов.

По этим расчетам заработная плата в среднем на одном из крупных рудников Донецкого Бассейна составляла к середине девятисотых годов: 1 р. 8 коп. в день взрослому рабочему и 63 коп. подростку за период с первого мая по 1 ноября. В течение 6 зимних месяцев, которые автор приурочивает к периоду времени с 1 ноября по 1 мая, заработная плата понижается и составляет 98 коп. для взрослых и 57 коп. для подростков.

Принято считать, что чернорабочий в среднем делает 24 „упражки“—рабочих дней в месяц. Но эта цифра оказывается на деле преувеличенной. По рабочим книжкам число всех праздничных дней—годовых и воскресных—95. За вычетом их число рабочих дней определится в 270 (в год) или 22,5 в месяц. Месячный расход взрослого рабочего, исключая забойщиков, получающих сдельную плату, выразится таким образом в $22,5 \times \frac{1 \text{ р. } 8 \text{ к.} + 98 \text{ к.}}{2} = 23 \text{ р. } 17 \text{ к.}$ (а годовой—в 278 р. 4 к.), при условии, что человек в течение года ни одного дня не проболел и не получит ни одного штрафа.

Теперь перейдем к расходной части бюджета горнорабочих.

*) Верещинский. „Рабочий шахтер в Донецком Бассейне“, 1892 г.

**) Пажитнов „Положение рабочего класса в России“. Изд. второе исправленное и дополненное, 1908 г., стр. 248 и след.

Расход члена артели на продовольствие определяется на основании цифровых данных, относящихся к артели из 14 человек, в 9 руб. 33 коп. на каждого, что близко подходит к цифрам земского обследования половины 80-х годов. Расходы на одежду и обувь определяются в размере 3-4 р. в месяц, на прочие мелкие расходы—минимум 3 руб.

Таким образом, расходная часть бюджета одиночки-горнорабочего составляет 16 руб. 33 коп., что дает для этой категории рабочих превышение доходной части бюджета над расходной.

Если же взять семейного человека, с женой и двумя детьми, то не только не получится излишка, но окажется, что даже для полного питания ресурсов рабочего не хватает. Для покрытия дефицита семейные рабочие в большинстве случаев принимают на хлебников, платящих за стол и стирку белья 10 руб. 50 коп. в месяц. Из 200 семейств, живших на руднике, к которому относится данное описание, лишь 74 семьи или 37% обходились без столовников, остальные же принуждены были принимать от 1 до 7 человек.

Если сравнить приведенную выше цифру заработной платы (278 руб. годового заработка взрослого рабочего) с соответствующими данными земского обследования середины восьмидесятых годов (219 руб. в год), получим увеличение заработной платы за этот промежуток времени в размере почти 27%.

Пажитнов, приводя в своей работе эти данные, объясняет увеличение заработной платы увеличением рабочего периода, относя это объяснение не только к динамике заработной платы на каменноугольных копях Донецкого Бассейна, но и на доменных заводах юга России.

Пользуясь данными Б. Брандта*), Пажитнов устанавливает, что на заводе Юза, в декабре 1897 г. сдельные рабочие получили 37 руб. на человека, поденные—23 руб. на человека, в среднем—27 руб. 35 коп.

Считая 25 рабочих дней в месяц, выходит, что рабочие по производству капитальных сооружений получили по 89 коп. в день, поденные рабочие (в том числе и по ремонту)—92 коп., а сдельные рабочие—1 р. 44 коп.

Пажитнов указывает, что из этих цифр следует такой вывод: поденные рабочие на Юзовском заводе при 25 рабочих днях в месяц, получают 23 р. в месяц, т.-е. столько же, сколько поденные рабочие в каменноугольной промышленности при 22,5 рабочих днях.

Цифры заработка поденных рабочих в 1897 году оказались выше (при том очень незначительно) сравнительно с данными земского обследования середины 80-х годов, исключительно потому, по мнению Пажитнова, что в 1897 году Брандт считал 25 рабочих дней в месяце, земские же статистики для 80-х годов отмечали, что только немногие могут работать более 20 дней и полные 30 дней, большинство же работает дней 15-20.

*) „Иностранные капиталы“, ч. II, 1899 г.

Несомненно, тот момент, который подмечен Брандтом, имеет существенное значение: нам уже приходилось выше указывать, что в периоды повышения экономической конъюнктуры горнопромышленники и заводчики юга России стремятся к повышению производительности труда, что, между прочим, имеет своим результатом, что рост производства в периоды экономического подъема не сопровождался соответственным ростом числа рабочих.

Несомненно также, что этот момент не был учтен М. И. Туган-Барановским в его книге о русской фабрике (стр. 337), где он, на основании данных того же Брандта, приходит к такому выводу: „повидимому, денежная заработная плата на железоделательных заводах Юза возросла со времени начала восьмидесятых годов почти вдвое“.

Полный, обоснованный ответ на вопрос о направлении динамики заработной платы в Донецком Бассейне мы могли бы иметь лишь в том случае, если бы располагали методологически-правильным фактическим материалом по этому вопросу. За отсутствием такового материала, основывая свои полунтуитивные заключения на данных иллюстрационного характера (вроде приведенных выше), мы, повидимому, можем констатировать известную тенденцию заработной платы к повышению, при чем известная (но не поддающаяся цифровому выражению) часть этого повышения должна быть отнесена на счет удлинения рабочего периода и вообще той тенденции к повышению производительности труда, о которой было сказано выше.

В этом вопросе можно также сослаться на свидетельство одного иностранного автора, посетившего Донецкий Бассейн после революции 1905 г. и вообще не заинтересованного в том, чтобы рисовать мрачными красками перед иностранными капиталистами положение Донецкого Бассейна в тот период времени.

Он говорит: первый факт, который необходимо отметить—это значительное повышение заработной платы со времени тех политических событий, которые создали потрясения в Донецком Бассейне (имеется в виду революция 1905 года.—П. Ф.). Мы далеки от тех времен, от той заработной платы, о которой так много говорили, желая вызвать переселение бельгийских и французских капиталов в страну царей (в Россию*).

Правда, тот период, который охватывает это бельгийское исследование, уже находится под влиянием революции 1905 г., которая, по довольно единодушному признанию нашей экономической литературы, принесла повышение реальной заработной платы при сокращении рабочего дня. См. общее заключение по этому вопросу у Финна-Енотаевского („Современное хозяйство России“, стр. 376). Тот же Пажитнов, исследуя в своей книге „Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в Рос-

*) См. M. Lauwick „L'industrie dans la Russie Meridionale. Sa Situation, Son Avenir“, 1907 г. стр. 142. Книга является докладом, представленным автором бельгийскому Министру Промышленности и Труда, по поручению которого автор исследовал положение южной горной и горнозаводской промышленности после революции 1905 года. Исследование было вызвано беспокойством за бельгийские капиталы, помещенные на нашем горнопромышленном юге („в России находится $\frac{1}{11}$ часть нашего движимого имущества“, говорит Ловик в предисловии к своему докладу).

сии" (изд. 1910 года), отмечает, что в горнозаводской промышленности юга она возросла за 1904—1906 г.г. на 34%, между тем как цены на 8 предметов первой необходимости, с которыми он оперирует, поднялись на 19,4%.

Рост реальной заработной платы в этот период времени, бесспорный и значительный, конечно, должен быть связан с ростом рабочего движения в период первой русской революции.

В вопросе о высоте заработной платы имеет значение вопрос о сроках и формах расплаты, о штрафах и о разных приемах, фактически понижающих высоту заработной платы.

Здесь также отсутствует материал характера сплошного обследования, но некоторые данные иллюстрационного характера все же можно привести.

Конечно, после издания в конце восьмидесятых годов актов рабочего законодательства, регулирующих договор рабочего найма, мы не можем встречать на заводах и рудниках Донецкого Бассейна тех злоупотреблений, которые характеризуют первоначальную историю горнопромышленного юга, с его кадром рабочих, наемных из беглых крестьян и всякого рода полуправового элемента.

Однако, даже в середине девяностых годов Е. И. Рагозин, об'ехавший юг России и изложивший свои наблюдения в книге „Железо и уголь на юге России“, делает чрезвычайно характерное замечание:

желательно и необходимо, чтобы жалование рабочим выдавалось исключительно деньгами, а не ордерами на лавки и магазины, как это практикуется в большинстве рудников до сих пор.

Несколько лет спустя, весной 1900 г., Министром Земледелия и Государственных Имуществ была командирована на юг России специальная комиссия под председательством А. А. Штоффа, в составе представителей горного ведомства и фабричной инспекции, для исследования положения горнорабочих в Донецком Бассейне.

Несмотря на чрезвычайно осторожный, чисто бюрократический подход к разрешению поставленной перед комиссией задачи, несмотря на то, что рабочие совершенно не были привлекаемы к изучению тех вопросов, которые интересовали комиссию, все же комиссия констатировала целый ряд нарушений закона^{*)}.

Так, по наблюдению комиссии, взыскания с рабочих, налагаемые хозяином, превышают в отдельных случаях установленные законом нормы. Штрафной капитал, иногда даже в значительных суммах, остается в кассе промышленников. Продукты отпускаются рабочим в кредит не по установленной таксе и иногда не из рудничных, заводских или кооперативных лавок, а из лавок частных торговцев. Комиссия отметила также существование форм незаконного штрафования рабочих в пользу предпринимателя, в виде бракования неполно или нечисто (с пустой породой) нагруженных вагончиков и т. д. и т. д.

^{*)} Правда, очень мягченко квалифицируя их, как формальное отступление от закона.

Постановления Съездов горнопромышленников юга России по вопросам этого рода соответствовали общему тону выступлений этой горнопромышленной организации в вопросах, касающихся рабочих.

Так, экстренный Съезд горнопромышленников юга России, созванный в 1900 г. по распоряжению Министра Земледелия и Государственных Имуществ для рассмотрения вопроса „об улучшении быта рабочих на каменноугольных копях южной России“, пришел к заключению *),

что предыдущими Съездами разработаны детально все главные меры к улучшению быта рабочих, которые, осуществляясь в жизни, дают благоприятные результаты, и высказал некоторые пожелания относительно рабочих жилищ, бань, больниц, школ, вспомогательных касс и др. **).

Постановления этого экстренного Съезда были подвергнуты пересмотру на очередном XXV Съезде горнопромышленников юга России в 1900 году, параллельно с докладом вышеуказанной комиссии А. А. Штоффа; был организован пересмотр инструкции по надзору за частной горной промышленностью, было постановлено ходатайствовать о внесении некоторых изменений в действующее рабочее законодательство, но ничего сколько-нибудь существенного из всего этого не вышло и не могло выйти, если вопрос оставался в пределах бюрократических обследований и ходатайств промышленных организаций, без какого бы то ни было участия организованных рабочих.

Между тем всякая, даже слабая попытка проведения этого принципа (участия организованных рабочих в промышленной жизни) вызывала отрицательное отношение со стороны Съездов горнопромышленников юга России. Так, XXVIII Съезд горнопромышленников юга России, рассмотрев закон 10 июня 1903 г. о старостах рабочих, признал, что

пользование дарованным упомянутым законом заводским и рудничным управлениям правом введения старост рабочих неудобно в настоящее время*).

Теперь перейдем к характеристике вопроса санитарной обстановки жизни южного рабочего в горной и горнозаводской промышленности.

Положение вопроса о санитарной обстановке жизни рабочих и о рабочих жилищах в начале исследуемого периода было охарактеризовано, по данным земских обследований, в первом томе настоящей работы.

Проследим по нашему „иллюстрационному материалу“, как изменилось положение этого вопроса в течение последующего периода.

*) См. „Краткий очерк истории Съездов горнопромышленников юга России“, стр. 35 и 36.

**) По докладу председателя комиссии экстренного Съезда, инженера Н. С. Авдеева, выходило, что заработная плата на копях Донецкого Бассейна выше даже, чем во Франции и Бельгии и что задача сводится к тому, чтобы сократить число праздничных дней, уменьшить прогулы и завести сберегательные кассы, „где бы рабочие могли откладывать свои сбережения, а не тратить нерационально заработанные деньги“. Конечно, подобные предложения, характеризующие лишь психологию определенных классов, не нуждаются совершенно в каком бы то ни было анализе.

Приведем нижеследующую характерную цитату из «Горнозаводского Листка» (1899 г., № 3) по этому вопросу.

Обидно подмечать насмешливую улыбку у французов и бельгийцев при осмотре ими некоторых наших рабочих помещений. Общие нары на 20—30 человек, без определенного для каждого места, полопавшаяся плита, на которой разливается варено и чадит, грязная лужа на земляном полу, корыто с т. н. бельем, тут же развешиваемым для сушки, скорлупа картофеля на полу, кости и помои в чане рядом, а в атмосфере непечатная брань перемешивается с углекислотой и другими тяжелыми газами, висящими в воздухе. Такова обычная обстановка многих казарм, могущая, однако, вполне удовлетворить правилам о кубическом содержании воздуха в жилых помещениях. Очевидно, что требования, предъявленные этими правилами и касающиеся только размеров помещения, слишком недостаточны для того, чтобы рабочие казармы представляли из себя что-нибудь похожее на сносное человеческое жилище.

Это непосредственно после холерной эпидемии 1892 года, после чего рабочие помещения, вообще говоря, улучшались.

Минуем несколько лет и приведем характеристику рабочих помещений на одном из рудников Донецкого Бассейна в 1902 году *).

В рабочих казармах—грязно, пол земляной весь в ямах, стекла выбиты. Вместо двух дверей—одна и та разломана: сквозь окна и двери дует холодный ветер, так что под 30 октября было лишь 8° тепла, несмотря на то, что плиту ежедневно раскаляли до-красна.

На нарах каждый рабочий имеет доску в 5 вершков ширины.

Во время двухсменной работы еще возможно разместиться рабочим на нарах, но когда обе смены в казармах (под праздники и в праздники), то одна смена ложится на нары, а другая—на земляной пол или же греется у печки, пока первая смена не уступит ей своего места.

Помещения для семей рабочих еще хуже: без потолков, полы земляные единственное окошко в $1\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аршина.

Кубатура их—менее 2 куб. саж. В таких „каютках“ живут муж, жена, трое детей, да один-два столовника.

Рутченковское Т-во, в пяти верстах от Юзовки: казармы грязны, падаются землянки, клозетов мало.

Кальмиусско-Богодуховская копь: кроме казарм имеются и семейные домики, при чем лишь 24 % общего числа населения их пользуются нормальным количеством воздуха, иногда мы имеем кубатуру в $3\frac{1}{2}$ раза меньше нормального.

Рудники Общества Успенского Бассейна: имеется довольно большое количество домиков, сделанных в одну доску и намазанных глиной, т. ч.

*) „Вестник фабричного законодательства“, 1905 г., № 1. Цитировано из Пажиновой „Положение рабочего класса в России“, стр. 226.

толщина стен составляет всего 8 сантиметров. Объем воздуха на каждого обитателя от 0,47 до 0,31 куб. саж. вместо 1,5 куб. саж. нормального. Полы глиняные, окна и двери притворяются неплотно.

Наконец, возьмем третий период—после холерной эпидемии 1910 года, нашедший освещение в обстоятельной брошюре д-ра И. И. Лященко „Жилищный вопрос на горнопромышленных предприятиях Донецкого Бассейна и данные обследования жилищ рабочих общества южно-русской каменноугольной промышленности“ (Екатеринослав 1911 г.).

Основное исследование касается рудников этого общества, но автор оговаривается, что „рабочие всего Донецкого Бассейна живут, приблизительно, в таких же жилищных условиях, как и рабочие общества южно-русской каменноугольной промышленности. Я никогда бы не посмел сказать, что жилища рабочих этого общества являются каким-то счастливым исключением, что они пережиток старого“ (стр. 17).

Обследование жилищ общества южно-русской каменноугольной промышленности (Горловка) коснулось трех шахт (№ № 1, 5 и 8), при которых имелись рабочие колонии и „дало картину санитарного состояния их, вполне соответствующую количеству заболевания холерой“).

Типы жилых помещений для рабочих следующие:

1. Одноквартирные землянки-каютки, однокомнатные и двухкомнатные, при чем однокомнатные—с прикаютником, т.-е с пристройкой, сделанной обычно самим рабочим за свой счет, где помещается хозяин каютки с семьей, в самой же каютке живут его нахлебники. Землянки-каютки делаются из обпол, обмазанных снаружи и внутри глиной, без фундамента, с земляным полом, поверхность которого на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ арш. ниже уровня земли, без потолка и с земляной крышей—нечто среднее между настоящей землянкой и семейным домиком.

2. Двухквартирные землянки-каютки и двухквартирные семейные домики (однокомнатные и двухкомнатные). Семейный домик—это постройка, также сделанная из обпол, обмазанная снаружи и внутри глиной, с земляным или деревянным полом, без фундамента, но с потолком и черепичной, толевой или же железной крышей, или же это постройка, сделанная из камня и кирпича, с фундаментом и деревянными полами, с черепичной или же железной крышей.

3. Трехквартирные семейные домики.

4. Четырехквартирные семейные домики.

5. Восьмиквартирные семейные домики.

6. Казармы.

7. Сарайчики и летние кухни. В них живет беднота—инвалиды, вдовы рабочих, погибших во время работ, и глейщицы, зарабатывающие 40—80 коп. в день. „Сарайчик—это самый обыкновенный сарай, надворная постройка, сбитая из досок. Ставится в нем плита,

*) Лященко, цит. соч., стр. 4.

делается маленькое окошко (есть и совсем без окон) и нары, и квартира готова... А в летней кухне, если она обнесена досками, и этого не нужно делать—ставится только нара".

Система рабочих жилищ, описанная д-ром Ляшенко для Донецкого Бассейна, в общем совпадает с той схемой, которую дает Шульце-Гевеверниц. Прimitивной формой, соответствующей тому типу размещения рабочих для жилья, которую Шульце-Гевеверниц нашел на рогожных фабриках полукустарного типа в Московском районе, являются землянки Донецкого Бассейна, конечно, численно очень сократившиеся сравнительно с тем периодом истории Донецкого Бассейна, который был описан в первом томе настоящей работы.

Однако, кое-где этот запрещенный тип рабочих жилищ все же встречается в Донецком Бассейне.

В полном ходу переходный тип от землянок к более «прочным» рабочим жилищам: это—«каютки» и, отчасти, сарайчики и летние кухни.

Казармы и семейные домики, о которых подробно говорит Шульце-Гевеверниц, конечно, распространены и в Донецком Бассейне. Наконец, почти совершенно не встречается последний, высший тип того жилищного режима, который характеризует Шульце-Гевеверниц: размещение рабочих на вольных квартирах. Этот тип встречается в Донецком Бассейне лишь как редкое исключение.

Численное соотношение между этими типами рабочих жилищ таково по доктору Ляшенко: квартир в каменных и кирпичных зданиях—22,3%, в зданиях же, сделанных из обаяпол, обмазанных глиной—77,7%, из них землянок-каюток—49,2%; сарайчиков и летних кухонь—2,5%; семейных домиков, построенных из такого же материала, как и землянки-каютки—25,8%.

Большинство квартир имеет полы земляные. Отношение стеклянной площади окон к площади пола—неудовлетворительное, т. ч. «большее $\frac{1}{2}$ всех квартир можно считать темными и полутемными». Нигде нет двойных рам. Отапливаются квартиры плитой, которая топится в большинстве случаев целый день. Температура в квартирах колеблется от 22—23° до 8 и 6°. Сырых квартир больше, чем 51—54%.

Квартиры страшно переполнены: только 16,7% всего населения живет в непереполненных квартирах. „Там, где должен поместиться один человек, помещаются $3\frac{1}{2}$ и даже 10 человек; это значит, что груды человеческих тел навалены в кучу“ (Ляшенко, цит. соч., стр. 11).

При этом оказывается, что наименьшим количеством воздуха пользуется та часть рабочего населения, которая живет в наихудших жилищах.

Институт столовников процветает: из числа семейств, опрошенных д-ром Ляшенко, 59% не имеют столовников и 41% их имеют.

Разумеется, в такой обстановке—колоссальная детская смертность: „у опрошенных 85 матерей было всех детей 425 человек, из которых 234 умерло, значит, детская смертность достигла 55% всех детей в возрасте от 1 до 6—7 лет“ (id., стр. 14).

Обстановка квартир—самая неприглядная. Послушаем д-ра Лященко.

Обстановка квартир. Описать ее нельзя, ее нужно посмотреть. В большинстве квартир она самая неприглядная: деревянная кровать со всякого рода тряпьем, редко железная, а больше нары; стол, две-три скамьи; развешанные по стенам на гвоздях, а нередко на веревке, протянутой от одной стены к другой, рабочие костюмы; плита, на которой готовится пища; над плитой мокрые рабочие костюмы и онучи, развешанные для просушки; на плите рядом почти с кушаньем—мокрые постолы или лапти; подле плиты всякая хозяйственная утварь, тут же стоит вода, таз для умыванья; под кроватью с'естные припасы вместе с грязным бельем, сундуки рабочих и проч. Прибавьте к этому, что квартира с земляным полом, без потолка, с черными от угольной пыли и сырыми стенами, с маленькими окнами, скудно пропускающими свет. На нарах спят рабочие, вернувшиеся с работы; на грязном полу ползают детишки—вот вам приблизительная картина обстановки, в которой живет рабочий (Лященко, цит. соч., стр. 15).

Докончим эту характеристику описанием внешнего вида рабочих поселков, по доктору Лященко (стр. 16—17). „Общий вид поселков не только Горловских, но и всего Донецкого Бассейна, крайне непривлекателен: вы видите ряды домиков, иногда от ветхости покосившихся на бок, маленькие дворiki, обнесенные кое-как забором, на улице грязь, кухонные отбросы, вылитые помои (помойных ям нигде нет) и прежде всего вы видите целую шеренгу клозетов и мусорных ящиков, сбитых обычно из трех досок, без дна, нередко переполненных мусором; вокруг клозетов человеческие экскременты“.

Итак, на протяжении всей истории Донецкого Бассейна, формы жилищного режима горнорабочих представляются наиболее устойчивыми, консервативными, потому что на общем фоне санитарных безобразий, характеризующих все эпохи жизни рабочего поселка в Донецком Бассейне, при увеличивающейся густоте населения и скученности, очень сомнительным представляется тот прогресс, который в лучшем случае состоит в переходе от первобытных землянок к переходным формам какюток и сарайчиков.

Несомненно, если в области заработной платы можно отметить некоторые достижения (как было указано выше), то этого почти совершенно нельзя сказать относительно тех культурно-бытовых форм, которые воплощаются в жилищном режиме. Конечно, тут очень сильно сказалась культурная отсталость нашей деревни, все еще в значительной степени диктующей свои бытовые формы рабочему поселку в Донецком Бассейне.

Прогрессивные тенденции, стимулированные революционным подъемом рабочего движения периода первой революции, не отразились сколько-нибудь существенно на бытовой обстановке жизни рабочего, не выработали тех форм его жизни, которые, по счастливому выражению Шульце-Геве-ница, также необходимы для развития промышленности, как пар и электричество.

Настоящую главу следовало бы закончить характеристикой рабочего движения в Донецком Бассейне. Однако, в настоящей работе мы этого не делаем, т. к. рабочее движение в Донецком Бассейне в значительнейшей степени связано с общими моментами русского рабочего движения и с развертыванием нашей социально-политической истории, что выводит эту тему за рамки настоящей работы. К тому же мы почти не имеем писанной истории рабочего движения в Донецком Бассейне, она еще в архивах, музеях и устных воспоминаниях, что также не позволяет заняться этой темой в настоящей работе. Эта история, насколько нам известно, составляет теперь тему специальных исследований.

Приложение.

Некоторые методологические замечания об источниках сведений, касающихся южной горной промышленности.

Тот период истории Донецкого Бассейна, которому посвящена настоящая работа, должен быть признан во многих отношениях очень полно освещенным целым рядом чрезвычайно ценных работ, сборников, „обзоров“, „отчетов“ и т. п. Правда, эти источники в очень слабой степени освещают внутреннюю сторону жизни горной и горнозаводской промышленности Донецкого Бассейна, структуру ее капитала и издержек производства, ее рентабельность, а также отдельные, весьма существенные, стороны рабочего вопроса: заработная плата, продолжительность рабочего времени и некот. др. Но то, что касается сведений о добыче и расходе минерального топлива и других продуктов горной и горнозаводской промышленности (включая сюда и анализ вывоза их на рынок), может быть признано довольно полно представленным в существующей статистико-экономической литературе, относящейся к данному периоду.

Не имея никакой возможности в настоящей краткой заметке сколько-нибудь полно охарактеризовать библиографическую и методологическую сторону данного вопроса, остановимся лишь на самом существенном.—Из категории источников наших сведений о южной горной и горнозаводской промышленности прежде всего укажем на издания официальные. Основным материалом сведений о добыче и производительности мы находим в сборниках Горного Ученого Комитета под заглавием „Горнозаводская промышленность России в N году“. Эти сборники, выходящие из года в год, приблизительно, по одинаковой форме содержат общие сведения о добыче и числе рабочих по каждому предприятию отдельно, что чрезвычайно облегчает производство всевозможных статистических комбинаций над этим материалом, напр., группировки предприятий по размерам их добычи и производства.

Этот материал, получаемый на основании донесений горной инспекции, является основным официальным материалом. Дополнением к нему мо-

гут служить печатаемые за ряд лет отчеты начальников Южного и Юго-Восточного Горных Управлений*), которые составлены, приблизительно, по той же форме, как и сборники Горного Ученого Комитета. Наконец, отчеты Горного Департамента, где, однако, отсутствуют сведения по отдельным фирмам, должны быть названы, как дополнительный и вспомогательный источник из той же группы официальных изданий.

Вторая группа официальных изданий разрабатывает вопросы перевозки горных и горнозаводских грузов по железным дорогам, что является почти исключительным источником наших сведений о рынке, т. к. непосредственного учета потребления топлива, металлов и других горных и горнозаводских грузов почти совершенно не встречается.

Эти официальные издания о перевозках принадлежат: а) Харьковскому Порайонному Комитету по регулированию массовых перевозок железнодорожных грузов; б) Харьковскому Горнозаводскому Комитету и в) Департаменту Железнодорожных Дел, в его изданиях под заглавием „Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам“.

Особенно большое значение имеют издания Харьковского Горнозаводского Комитета, где наряду с итоговыми таблицами мы находим достаточно детализированные данные по отправителям, получателям и т. п., которые также предоставляют возможность построения ряда комбинационных аналитических таблиц.

Издание Департамента Железнодорожных Дел содержит комбинацию сведений о перевозках по железным дорогам, связывающую пункты отправления и назначения грузов. Этот материал, хотя и имеет меньшее значение, чем издания Горнозаводского Комитета, но все же открывает возможность для различных комбинаций.

Наконец, издания порайонного комитета содержат более суммарные характеристики массовых перевозок железнодорожных грузов, притом, главным образом, с точки зрения учета работы железных дорог, но все же пригодны до некоторой степени для освещения вопросов, касающихся горной промышленности, напр., для обрисовки роста перевозок горнозаводских грузов в общей массе железнодорожных перевозок.

Наконец, некоторые сведения о железных дорогах и железнодорожных перевозках могут быть почерпнуты из „Ежегодников“ и ежемесячных изданий Отдела Статистики и картографии Министерства Путей Сообщения.

Сведения о движении грузов во внешней торговле смогут быть почерпнуты из изданий Статистического Отдела Департамента Таможенных сборов: ежегодных „Обзоров“ и ежемесячных изданий под названием „Внешняя торговля России по европейской границе“.

Из числа официальных периодических изданий следует назвать „Горный Журнал“, который однако, с течением времени начинает приобретать значение издания, преимущественно освещающего технические вопросы горной промышленности, и затем „Вестник Финансов,

*) Юго-Восточное Горное Управление охватывало Область Войска Донского.

промышленности и торговли* и ежедневную „Торгово-промышленную Газету“, содержавшие много ценных статей и обзоров по вопросам южной горной промышленности.

В приложениях к „Вестн. Финансов“ печатались извлечения из годовых отчетов и балансов нашей южной горной и горнозаводской промышленности, откуда приходится черпать сведения о финансовой стороне работы подотчетных горнопромышленных предприятий юга России (акционерных обществ).

Наконец, в группе официальных изданий известное значение имеют „Ежегодники“ Министерства Финансов, объяснительные записки к росписям государственных доходов и расходов и сборники Министерства Финансов (редакции „Вестника Финансов“ и „Торговопромышленной газеты“), издававшиеся под заглавием „Народное хозяйство в N году“.

После этого очень беглого перечня наиболее крупных официальных литературных источников наших сведений о горной промышленности, перейдем к источникам неофициального типа и прежде всего — к работам Совета Съезда горнопромышленников юга России.

Богатейший материал „Трудов“ Съездов горнопромышленников юга России еще ждет своей научной разработки. В развитом виде „Труды“ Съездов распадалась на три части: отчеты и доклады Совета Съезда, представляемые Съезду, затем доклады комиссий и протоколы заседаний самого Съезда и, наконец, стенографические отчеты о его заседаниях. Как статистико-экономическая характеристика, так и особенно — выявление социально-экономических тенденций южных горнопромышленников могут быть прослежены с достаточной полнотой по „Трудам“ Съездов горнопромышленников юга России.

Работы Статистического Бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России пользуются заслуженной известностью.

Статистическая работа этого учреждения давала как ежемесячный, так и ежегодный учет основных моментов, касающихся южной горной и горнозаводской промышленности. Ежемесячно собирались сведения о движении производства и расхода и о числе рабочих по каменноугольной и металлургической промышленности. Ежегодные сведения собирались как по этим отраслям южной горной и горнозаводской промышленности, так и по железорудной, марганцевой и соляной и касались (в развитом своем виде), кроме вопросов производства и расхода, также сведений о составе предприятий, об их техническом оборудовании, о сортах добываемого минерального топлива и некот. др.

Кроме этих, так сказать, типовых изданий, повторяющихся из года в год, можно наметить целый ряд других изданий Статистического Бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России, не столь регулярно периодически выпускаемых: о потреблении топлива железными дорогами, о земской торговле железом и сельскохозяйственными машинами и орудиями, о несчастных случаях с рабочими на горных и горнозаводских предприятиях юга России, о доходности акционерных предприятий южной горной и горнозаводской промышленности и некот. др.

Орган Съезда южных горнопромышленников—„Горный Листок“, „Горнозаводский Листок“, „Горнозаводское Дело“ (последовательно-изменяемые названия одного и того же издания), во-первых, давал значительный фактический материал статистико-экономического характера (в большинстве случаев—по типовым формам, периодически повторяющимся и потому открывающим возможность для сравнений) и, во-вторых, в своей публицистической части освещая те точки зрения, которые руководящий орган южных горнопромышленников—Совет их Съездов—считал необходимым выдвигать как по вопросам экономической политики, так и по политическим темам дня.

Петербургская организация промышленников—Совет Съездов представителей промышленности и торговли—в своих докладах и отчетах, а также в своем органе „Промышленность и Торговля“ давали немало интересного материала, характеризующего фактическое положение промышленности вообще, в частности—также и горной промышленности, а также—и в этом было главное значение журнала—давали обрисовку идеологии промышленников, их социально-политических тенденций.

В числе изданий петербургского Совета Съездов представителей промышленности и торговли можно назвать также „Статистический Ежегодник“, выходивший в течение нескольких лет перед войной под редакцией статистика Шарого и представляющий, в своих таблицах, довольно полную статистико-экономическую характеристику нашей промышленности вообще и горной промышленности—в частности, а в методологических замечаниях к таблицам—довольно ценные критические указания относительно тех источников, которые были использованы в таблицах сборника.

Основной массовый материал, который можно было почерпнуть из указанных выше источников, касается, преимущественно, вопросов производства, железнодорожных перевозок и, отчасти, числа рабочих.

Наиболее полный и точный материал представляют сведения о перевозках горных и горнозаводских грузов по железным дорогам, публикуемые Харьковским Горнозаводским Комитетом. В ежегодных „Отчетах“ этого комитета эти сведения являются в окончательном, исправленном и проверенном виде, а в текущих ежемесячных „обзорах вывоза“ и в сведениях и таблицах, публикуемых в „Горнозаводском Листке“ и „Горнозаводском Деле“ мы находим предварительные данные, которые, конечно, расходятся с окончательными цифрами „Отчетов“ Харьковского Горнозаводского Комитета.

Издания этого комитета выгодно отличаются немногочисленностью ошибок и опечаток, чего, к сожалению, нельзя сказать относительно издаваемой Департаментом Железнодорожных Дел „Сводной статистики перевозок“: ошибки и опечатки, постоянно обнаруживаемые при сличении горизонтальных и вертикальных итогов таблиц этого издания, в значительной степени обесценивают его значение.

Издания Статистического Бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России являются основным источником сведений о производстве и рас-

ходовании продуктов южной горной и горнозаводской промышленности, а также сведений о рабочих; Сборники Горного Ученого Комитета совершенно не касаются вопросов расходования производимых угля, металла, руды и соли*), ограничиваясь только данными о добыче, производстве и числе рабочих.

Эти данные не охватывают учета всех предприятий в каменноугольной промышленности: Статистическое Бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России никогда не получало сведений от всех предприятий, а официальные „Сборники статистических сведений“ в своих таблицах также содержат подозрительные данные о добыче и числе рабочих, отнесенные к „крестьянским шахтам“ (мелким промышленникам), без указания их числа. Т. о., в сущности говоря, мы никогда не имели полных и точных сведений о числе промышленных предприятий в горной и горнозаводской промышленности юга России, тем более, что самое понятие промышленного предприятия, как объекта статистической регистрации, не было достаточно точно установлено. Это особенно относится к вопросу о том, как следует регистрировать рудники, расположенные в различных частях Донецкого Бассейна, но принадлежащие одному хозяину—как отдельные промышленные предприятия или же как части одного промышленного предприятия. Этот вопрос, интересующий методологию промышленных переписей, а также представляющий интерес с точки зрения промыслового законодательства, не находил однообразного разрешения в нашей до-военной статистике горной и горнозаводской промышленности юга России.

Анализируя методологию интересующих нас источников, необходимо отметить несовпадение сведений о величине добычи и производства, которые мы находим в них. Здесь дело объясняется не только тем, что в одних случаях мы имеем предварительные данные, а в других—окончательные, но также и прямой неточностью в показаниях о добыче, определяемой приблизительно, особенно в не крупных предприятиях. В ряде случаев добыча минерального топлива показывалась то в виде валовой добычи, то в виде добычи-отправки на рынок. При балансировании сведений, собираемых опросными бланками Статистического Бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России**), самым сомнительным элементом были цифры запасов, остатков, определяемых очень приблизительно, с неточностями, причем эти неточности, накапливаясь из месяца в месяц, наконец достигали значительных величин, в связи с чем возникал вопрос о проверке и пересчете запасов, а в связи с этим менялись также и топливные запасы предприятий и всей промышленности, вызывая иногда изменения даже ранее опубликованных цифр добычи.

Учет рабочих был одним из очень слабых мест всей статистики. Как общее правило, регистрировалось наличное списочное число рабочих на

*) За исключением некоторых небольших итоговых таблиц в тексте.

**) Этот баланс представляется в виде такой формулы: запас на первое число данного периода + добыча — (вывоз по железным дорогам + по подводяным путям + собственное потребление) = остаток к концу периода.

первое число данного месяца или года, но иногда это более или менее реальное число заменялось „средним“ числом рабочих в течение данного месяца или года, составляемым по методологически неопределенным основаниям.

Почти не делалось даже попыток посчитать число смен („поденьщин“), сделанных тем или иным кадром рабочих. Определение заработной платы поэтому носили методологически неясный характер*); продолжительность рабочего дня не учитывалась, деление рабочих по полу и возрасту, по месту родины, их разделение на местных и пришлых и т. п. не могло быть проведено со сколько-нибудь удовлетворительной точностью, за отсутствием переписи рабочих, вопрос о которой ставился, но никогда не получал практического разрешения.

Таковы главнейшие методологические вопросы по статистике горной и горнозаводской промышленности Донецкого Бассейна.

*) За исключением статистики, вытекающей из закона 1903 г. об увечных рабочих.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. Предисловие	3
2. Глава первая. Общая характеристика развития горной и горнозаводской промышленности юга России со времени ее возникновения до 80-х годов прошлого века	5
3. Глава вторая. Основные данные о развитии южной горной промышленности от 80-х годов до 1914 года, в связи с общим развитием русской промышленности	20
4. Глава третья. Транспорт	37
5. Глава четвертая. Донецкий Бассейн и заграница.	58
6. Глава пятая. Организационные формы	93
7. Глава шестая. Внутренняя структура промышленности	120
8. Глава седьмая. Рынок	140
9. Глава восьмая. <u>Рабочие</u>	175
Приложение. Некоторые методологические замечания об источниках сведений, касающихся южной горной промышленности.	

Замеченные ошибки и опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Следует
11	22 сверху	А. Ф. Мевнуса	А. Ф. Мевнуса
38	1 снизу	wid	ibid
47	9 сверху	Вывозы	Вывоз
47	12 снизу	Сезда ')	Сезда ²⁾ (после этого следует из примечания 4 строчки пети- том)
60	3 "	Кордифия и Ньюиорна	Кардиффа и ньюпорта
71	12 "	Крамунеско	Кречунеско
79	16 сверху	нуля	нуля
79	17 "	Noy	Nº
84	11 "	минирального	минерального
89	9 "	Тегоборского	Тевгоборского
95	3 снизу	вышедшему	вошедшему
96	4 "	кустарное	кудуарное
131	11 "	Kundschau	Rundschau
141	11 "	Деревесное	Древесное

